

© 2015 г.

О.А. ВЛАСОВА

КАРЛ ЯСПЕРС И ДУХОВНАЯ СИТУАЦИЯ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

О Веймарской республике и ее духе историками и культурологами написано немало: есть работы и части работ, посвященные ее зарождению¹, ее исследованию как базы формирования нацизма², ее повседневности³. В истории литературы, кинематографа и массовой культуры Веймарскому периоду истории Германии отведены главы коллективных трудов и самостоятельные исследования⁴. Куда меньше написано о том, как Веймарская республика отражалась в жизни тех, кто по роду профессии и призвания осмыслял и описывал ее. Веймарская республика в жизни историков, социологов, теоретиков культуры, философов – это отдельная тема, прояснение которой может открыть новые грани и многое объяснить в истории этой “смутной” поры.

Не будучи специальным объектом исследования, дух Веймарской республики как явственное или едва уловимое настроение присутствует в визуальных образах на экране (в “Метрополисе” Ф. Ланга), создает атмосферу романов (“Берлин Александрплатц” А. Дёблина, “Железный Густав” Г. Фаллады) и сохраняется как живое воспоминание в полемических эссе и мемуарах (“Вчерашний мир. Воспоминания европейца” С. Цвейга, “Физика и философия” В. Гейзенберга). Один из самых подробных документов той поры – вышедшая в 1931 г. “Духовная ситуация времени” философа К. Ясперса⁵.

Власова Ольга Александровна – доктор философских наук, профессор Курского государственного университета.

Работа подготовлена по гранту Президента РФ по государственной поддержке научных исследований молодых российских ученых – докторов наук МД-205.2014.6. “Концептуальный анализ философии Карла Ясперса в свете биографического подхода”.

¹ *Баев В.Г.* Германское государство в межвоенный период 1919–1933 гг. в зеркале мемуарной литературы 60–80 гг. XX в. Тамбов, 2002; *Космач В.А.* Германия в 1918–1919 гг.: рождение республики. Витебск, 2008; *Мёллер Х.* Веймарская республика. Опыт одной незавершенной демократии. М., 2010; *Винклер Г.А.* Веймар, 1918–1933: история первой немецкой демократии. М., 2013.

² *Дорпален А.* Германия на заре фашизма. М., 2008; *Эванс Р.* Третий рейх. Зарождение империи. М., 2010.

³ *Биск И.Я.* История повседневной жизни населения в Веймарской республике. Иваново, 1990.

⁴ *Кракауэр З.* Психологическая история немецкого кино. М., 1977; *Нечепорук Е.М., Федоров А.А., Боярский О.И., Кораллов М.М.* Литература Германии (1927–1945). – История зарубежной литературы XX века: 1917–1945. М., 1984.

⁵ Карл Ясперс (1883–1969) – крупнейший представитель немецкого экзистенциализма. С 1921 г. – профессор философии Гейдельбергского университета, а с 1948 г. – Базельского. Основные работы: “Общая психопатология” (1913), “Психология мировоззрений” (1919), “Философия” (1932), “Духовная ситуация времени” (1931), “Вопрос о вине” (1946); “Философская логика” (1947), “Философская вера” (1948), “Истоки истории и ее цель” (1949), “Великие философы” (1957), “Куда движется ФРГ?” (1966).

В контексте других “дневников” и “зарисовок” современности эта работа превращается в летопись времени, каковой она отчасти и мыслилась автором. Приблизительно тогда или чуть позже Ясперс под влиянием Ф. Ницше приходит к необходимости взаимосвязанного учета мысли и жизни и начинает настаивать на обязательном рассмотрении свидетельств жизни и времени при обращении к творчеству “великих”⁶. Взятая как документ эпохи, “Духовная ситуация времени” многое говорит не столько о философии Ясперса, сколько о настроении того времени, в которое она была написана.

ВРЕМЯ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

“Духовная ситуация времени” мало похожа на другие довоенные философские работы Ясперса. Здесь нет последовательного анализа, глубины метафизики, многоуровневой проблематики, – всего того, что отмечает его масштабные ранние книги. Эта книга – размышление в стиле послевоенных полемических работ. Здесь Ясперс не исследует, а описывает, ставит диагноз современной эпохе и современному человеку. Наиболее емко замысел этой книги объясняет высказывание Ясперса, произнесенное в отношении Ницше: “Находясь на повороте времен, он хочет вникнуть в смысл этого поворота, чтобы силой собственного мышления указать направление пути”⁷.

Когда мы читаем эту книгу сейчас, в начале XXI в., в историко-философском и культурологическом отношении мы видим в ней мало нового, слишком много было написано после о том же самом: франкфуртцы, экзистенциалисты, постструктуралисты – все они в унисон говорили о том, о чем говорит Ясперс. Мы слишком хорошо осведомлены об этом. Реальность, которая Ясперсу и его современникам казалась апокалиптической, для нас стала привычной обыденностью.

Книга написана в Германии конца 1920-х годов – во времена экономического и социального кризиса, поэтому в ее пессимизме нет ничего нового. Всего лишь за 25 лет немцы пережили ряд экономических встрясок. Послевоенные 1918–1923 годы принесли голод и безработицу, нищету и преступность. “Золотые” 1924–1929 годы – относительную стабильность, восстановление хозяйства, повышение социального уровня жизни. Однако “великая депрессия” 1930–1932 гг. вновь вернула экономическое и социальное неблагополучие. “Духовная ситуация времени” отражает все эти периоды, показывая озабоченность временем и чувство усталости от него; она отражает не только чувства историка и философа, но и настроения обычных людей.

1918 г. стал переломным для Германии. Она потерпела поражение в Первой мировой войне и сдерживаемая экономической блокадой со стороны союзников вынуждена была принять унижительные условия Версальского мирного договора⁸. Страна пережила упадок промышленности, голод, резкое увеличение смертности населения⁹. Немецкая экономика переживала крах. Все это привело к масштабному кризису политической системы, которая была установлена еще О. фон Бисмарком. В начале 1920-х годов Германия, как и многие другие страны, переживала период гиперинфляции: цены выросли в триллионы раз. Деньги обесценивались быстрее, чем обыватель успевал их потратить. Не удивительно, что тягостные воспоминания о минувшей проигранной войне, неуверенность в будущем, необходимость справляться с ежедневными проблемами, вызывали у Ясперса острое ощущение скоротечности и бессмысленности времени, привязанности жизни к сегодняшнему дню.

Потеря ориентиров, непонимание смысла происходящего, утрата чувства народного единства, которое совсем недавно, в военное время, было свойственно всем немцам, – болезненно воспринималось Ясперсом, как и большей частью немецкого народа. Казалось, что Германия ощущала потерянное время между двумя войнами острее дру-

⁶ Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб., 2004.

⁷ Там же, с. 334.

⁸ Мёллер Х. Указ. соч., с. 179.

⁹ Космач В.А. Указ. соч., с. 5.

гих стран. Пришедшие с фронта солдаты ожесточились: они не могли адаптироваться в неустойчивой послевоенной ситуации. «Для большинства немцев... травма Первой мировой войны и особенно шок от неожиданного поражения оказались неизлечимы. Когда немцы говорили о “мирном времени” после 1918 г., подразумевался не тот период, в котором они фактически жили, а период до начала Великой войны. Германии не удалось осуществить переход от войны к миру после 1918 г.», – писал историк Р. Эванс¹⁰.

Эти умонастроения выражают и работы Ясперса. Когда Ясперс осмыслил минувшую войну, он одновременно предрекал и будущую, точно подмечая, что “если раньше угроза нашему духовному миру ощущалась лишь немногими людьми, то с начала войны этот вопрос встает едва ли не перед каждым человеком”¹¹. Эта угроза духовному миру в утрате оснований и постоянства, в предельной погруженности в сиюминутность. “Было время, – писал Ясперс, – когда человек ощущал свой мир, как непреходящий, таким, как он существует между исчезнувшим золотым веком и предназначенным божественным концом... Его деятельность была направлена на улучшение своего положения в рамках самих по себе неизменных условий. В них он ощущал себя защищенным, единым с землей и небом... В сравнении с таким временем человек оказывается оторванным от своих корней, когда он осознает себя в исторически определенной ситуации человеческого существования. Он как будто не может более удерживать бытие”¹².

Погруженность во время, зависимость от времени, главенство времени – вот главное умонастроение эпохи, о которой пишет Ясперс. Время из молчаливого фундамента становится активным игроком, оно может задавать условия жизни, может менять обстоятельства, может срывать планы или способствовать им, словом, не человек живет во времени, а время определяет жизнь человека. Эти ощущения Ясперса выражают окружающие его реалии. “Берлин во время мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. – это тот же лихорадочный (похожий на американский) ритм жизни, но уже с ощущением зыбкости уходящей из-под ног почвы”¹³.

Мотив несвободы, событий и поворотов судьбы, с которыми нужно смириться, уже был отчетливо замечен в работе Ясперса “Психология мировоззрений”. Он проступает в понятии “пограничные ситуации” – это не только ситуации, которые переворачивают мировоззрение, но и те, которые невозможно изменить¹⁴. В работе “Духовная ситуация времени” Ясперс рассматривает мир как опыт крушения мировоззрения поколения, как глобальную пограничную ситуацию: распад старой системы существования тогда, когда новая еще не построена. Эта ситуация связывается им с кризисом – государства, культуры, доверия. “Все, – пишет он, – охвачено кризисом, необозримым и непостижимым в своих причинах, кризисом, который нельзя устранить, а можно только принять как судьбу, терпеть и преодолеть”¹⁵. Человек в таком мире лишен привычного мировоззрения, ориентиров, фундамента жизни, он потерян и беспомощен. И это ощущение противоречит самой природе человека, поскольку он выделяется из животного мира, преобразуя природу и условия своей жизни, поскольку он активно действует, решает и смотрит в будущее.

Связанность человека и времени и есть определенная духовная ситуация. Духовную ситуацию настоящего стремится представить Ясперс. Это и экономическая, социальная, политическая ситуация, и ситуация познания и знания, и ситуация самобытия в вере и в коммуникации с другими людьми. Эта ситуация не может быть постигнута в объективной целостности. Единственный путь, по Ясперсу, – это постижение собственного становления в особой ситуации, то есть понимающее исследование своего собственного

¹⁰ Эванс Р. Указ. соч., с. 108–109.

¹¹ Ясперс К. Духовная ситуация времени. – Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 288.

¹² Там же.

¹³ Баев В.Г. Указ. соч., с. 20.

¹⁴ Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen. Berlin – Göttingen – Heidelberg, 1960, S. 329.

¹⁵ Ясперс К. Духовная ситуация времени, с. 335.

существования. “Знание своего мира, – подчеркивает мыслитель, – единственный путь, на котором можно достигнуть сознания всей величины возможного, перейти затем к правильному планированию и действенным решениям и наконец обрести те воззрения и мысли, которые позволят посредством философствования понять сущность человеческого бытия в его шифрах как язык трансцендентности”¹⁶. При такой стратегии духовная ситуация современности оказывается открытой перспективой, которую можно продолжить, в которой, помимо представленного, может ощущаться и другой образ. Духовная ситуация современности – это отдельные перспективы индивидуальной жизни; она может быть только собственным, авторским портретом эпохи.

ВЕЙМАР ЯСПЕРСА

Современный Ясперсу порядок существования, в котором он жил и который он задокументировал в “Духовной ситуации времени” – это технический порядок промышленного прогресса. В Веймарской Германии промышленный прогресс был следствием не только развития науки и техники. Гиперинфляция и экономический кризис привели к появлению и усилению промышленных гигантов. Мелкие предприятия часто банкротились и искали спасения в картелях, объединяясь в крупные промышленные концерны. Одновременно в промышленности получили распространение идеи тейлоризма, реорганизуется система труда, автоматизируется производство. Эти новшества помогли крупным и мелким промышленникам постепенно уйти от убытков и получать прибыль.

Развитие техники ведет к удовлетворению максимального количества потребностей, уходит ощущение исполнения желаемого и радости от этого исполнения. В годы Веймарской республики Германия погрузилась в культуру массового потребления. Она совершила молниеносный скачок от бедности и запущенности своих городов в начале 1920-х годов к богатству и роскоши в ее американском понимании: к американским моде, кредитам, рекламе¹⁷. Появились гигантские универсамы и сетевые магазины, где предлагались товары на любой вкус, цвет и размер кошелька. Люди любого достатка включились в массовое потребление; стало возможно за деньги почти мгновенно получить все, что пожелаешь. “Предметы пользования, – описывает эту ситуацию Ясперс, – изготавливаются в громадном количестве, изнашиваются и выбрасываются; они легко заменимы”¹⁸.

Ясперс неоднократно подчеркивал, что нарастающий технический прогресс, удовлетворяющий все потребности, не может быть вечным. Этот технический порядок создает человек, пытаясь выжить и преодолеть господство сил природы. Человек постоянно выходит за границы технического порядка, все больше расширяя его. Однако границы эти и есть он сам. Уже после Второй мировой войны Ясперс будет развивать эту тему и подчеркивать, что важным последствием машинного производства становится для рабочего опустошение настоящего, когда вся его жизнь превращается в автоматический и изнуряющий его труд.

Спешка, автоматизация и перенапряжение дают о себе знать в сфере культуры. В работе “Истоки истории и ее цель” философ указывает: “В состоянии усталости действуют только инстинкты, потребность в развлечении и сенсации. Жизнь человека заполняют кино и газеты, он слушает новости и смотрит фильмы, причем все это носит характер механической конвенциональности”¹⁹.

Эта ситуация заметна во всех сферах жизни человека. Ясперс подробно описывает все пространства человеческого бытия, наглядно показывая реалии современной ему Германии и Европы.

¹⁶ Там же, с. 304.

¹⁷ Баев В.Г. Указ. соч., с. 18–19.

¹⁸ Ясперс К. Духовная ситуация времени, с. 308.

¹⁹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. – Ясперс К. Смысл и назначение истории, с. 128.

Пространство труда все больше и больше связывается с функционализацией и рационализацией. Труд становится тем, что надлежит делать, чтобы занять место в аппарате и быть успешным. Кроме того, вся трудовая деятельность становится обязанностью, и исчезает возможность свободного труда. Вследствие всего этого уходит элементарная радость от труда и осознание удовлетворения сделанным, хотя часто человек трудится на пределе своих сил. Идея профессии и свободного труда как самореализации постепенно отходит в прошлое.

На место свободы и идеи свободного труда, по мнению Ясперса, приходит страх перед жизнью, выражающейся во всех сферах и свойственный всем без исключения современным людям. Этот страх сопровождает неуверенность в себе и своих силах. Это страх потерять работу, возникающий в связи с постоянно нарастающими требованиями к процессу труда и его интенсивности; это страх после сорока лет выпасть из общества; это неуверенность в жизнеспособности тела, поддерживаемый выходом медицинской помощи за рамки осмысленной медицинской науки; это неуверенность в отношениях, когда ни на кого нельзя больше положиться; это страх быть брошенным и страх одиночества. Чтобы как-то снизить эти страхи, государственный аппарат развивает социальные гарантии и медицинскую помощь, что еще больше усиливает тревогу, поскольку «именно абсолютизированный порядок существования создает непреодолимый страх перед жизнью»²⁰.

В такой ситуации человек не может быть свободным и начинает противостоять свободе. На смену продуктивному труду в таком случае приходит отрицание жизни, отсутствие ответственности, человек прячется за пустыми оборотами речи и формальными ритуалами общения. В таком порядке культуры человек становится функцией, он должен быть не размышляющим, а деловитым, то есть должен успешно ориентироваться в текущих задачах, фактах и соответствовать правилам. От него больше не требуется ума и честности, глубины и саморазвития, успех в обществе определяется умением ориентироваться в актуальных тенденциях.

Пространство семьи и домашнего очага, самое сокровенное для человека, всеми силами пытается устоять в условиях нарастающей технизации и массовизации. Еще в начале XX в. в Германии развиваются тенденции феминизма. Женщины получают избирательное право и право на развод, право работать на равных с мужчинами, занимать руководящие должности; распространяются противозачаточные средства. Решающим шагом эмансипации женщин стала Веймарская конституция 1919 г., которая статьей «Все немцы равны перед законом. Мужчины и женщины имеют в принципе одинаковые гражданские права и несут одинаковые обязанности» открыла женщинам дорогу в промышленность и политику²¹. Начинает поощряться индивидуализм и отделение детей от родителей.

Отношения между людьми движутся пользой и выгодой, утрачивается их глубина. Любовь к новизне приводит к тому, что люди ценятся не сами по себе, а как «интересные», «яркие» – каждый должен стремиться быть таковым. Настоящее и глубокое общение заменяет дискуссия – наиболее распространенная, по мнению Ясперса, форма общения его времени. Точно так же, как лишается своей уникальности вещь и упрощается культура, человеческая личность, становясь заменимым элементом целого, утрачивает свою уникальность. «Создается впечатление, – отмечает Ясперс, – что мир попадает во власть посредственности, людей без судьбы, без различий и без подлинной человеческой сущности»²². Человек больше не развивается, не растет над собой. Единственной его задачей оказывается стремление занять какое-либо место в аппарате – на фабрике, фирме, в обществе, – в зависимой и направляемой бюрократией ячейке.

²⁰ Ясперс К. Духовная ситуация времени, с. 328.

²¹ Малахова Т.В. Положение женщины в семье и обществе в период Веймарской республики. – Вестник Пермского университета, 2011, вып. 1(15), с. 141–148.

²² Ясперс К. Духовная ситуация времени, с. 311.

Культура уплощается, в ней начинает цениться краткость и простота. “Газета вытеснила книгу”, – подчеркивает Ясперс²³. Пресса, действительно, переживает период не просто стремительного роста, а настоящего взрыва. К 1931 г. появилось 4700 новых газет, большинство из которых ежедневные. Многие из газет посвящены политическим вопросам; тиражи некоторых – огромны²⁴. Распространились и дешевые “бульварные газетенки” – развлекательные, богато иллюстрированные, любящие скандалы и сплетни. Германия занимала первое место в мире по количеству издававшихся газет: их общий тираж был около 30 млн экз.; на двух немцев приходилась в среднем одна газета²⁵.

В литературе на смену романтичному экспрессионизму пришел стиль “новой вещественности”. Если экспрессионисты пытались выразить дух эпохи, теперь все внимание направлялось на факты, на фиксацию жизни вне чувства, на голое отражение реальности. Широкое распространение получили жанры эссеистики и публицистики. Г. Гессе, Р. Музиль и другие превратили свои произведения не просто в рассказы, а в философские эссе. Стойкое ощущение “переломности” времени выливалось в развитие исторического романа, достигающего своего апогея в творчестве Т. и Г. Маннов²⁶.

Одновременно всех привлекала новизна. Именно на эти годы Веймарской республики приходится рассвет модернистского искусства. Германия становится страной экспрессионизма, развивается абстракционизм. Период трансформаций переживает театр, появляются проекты экспериментальной драмы. Большой популярностью пользуются простенькие пьесы с криминальными и эротическими сюжетами, эстрадные представления, варьете, кабаре.

Кинематограф обретает своего массового зрителя, появляются новые кинозалы, совершенствуется техническая база кино съемки и кинопроката. В годы экономической стабилизации организуются крупные кинематографические компании, и начинает развиваться немецкая кинематографическая промышленность. Так, в середине 1920-х годов на экраны кинотеатров на смену таким шедеврам немого кино, как “Кабинет доктора Калигари” и “Носферату – симфония ужаса”, приходят звуковые ленты. Германия приносит миру звуковое кино, а Берлин пытается соревноваться с Голливудом.

Нарастающий интерес к кино, как и интерес к периодической печати, радио, массовому спорту, был связан не только с массовизацией, но и с появлением у простых немцев свободного времени. В послевоенной Германии был введен восьмичасовой рабочий день, на многих предприятиях в субботу он был сокращенный, поэтому освободившиеся часы немцы посвящали досугу. Не удивительно, что они шли в кино и театры, проводили время у радио и на спортивных площадках. Немцы были измотаны после войны, и пользовались возможностью отвлечься, выразить себя, пожить жизнью других и просто радоваться жизни. В Берлине 1920-х годов около 2 млн зрителей ежедневно посещали кинотеатры²⁷. Примечательно, что эта цифра не уменьшалась даже в годы экономического кризиса. Хотя было немаловажно и то, что билеты в кино тогда были очень дешевыми. “Люди гонялись за всеми доступными удовольствиями и транжирили деньги... Поэтому публика ломилась в кинотеатры, число которых возросло”, – отмечает историк кино З. Кракауэр²⁸.

В музыке царил разнообразие стилей: одновременно с сохранением и оживлением классической музыки распространялся джаз и поп-музыка, развивался жанр кабаре. “Ощущение культурного кризиса, порожденное у среднего класса в начале века появлением модернистского искусства и культуры, – пишет Р. Эванс, – сдерживалось при режиме Вильгельма, а наиболее экстремальные формы такого искусства были популяр-

²³ Там же, с. 359.

²⁴ Эванс Р. Указ. соч., с. 162–163.

²⁵ Биск И.Я. Указ. соч., с. 100.

²⁶ Нечепорук Е.М., Федоров А.А., Боярский О.И., Кораллов М.М. Указ. соч., с. 58–124.

²⁷ Биск И.Я. Указ. соч., с. 110.

²⁸ Кракауэр З. Указ. соч., с. 135.

ны лишь у узкого круга людей. Однако после 1918 г. оно стало намного более распространенным”²⁹.

Таким образом, искусство, как неоднократно подчеркивал Ясперс, практически утратило функции трансценденции и окончательно стало развлечением. Кино показывало подробности физиогномической реальности, но в этой жизни зритель не мог увидеть ничего настоящего. Музыка, как и архитектура, не развиваются, поскольку по самой своей природе обращены в прошлое. Единственным жанром, в котором еще слышен “подлинный тон”, по мнению Ясперса, оставался театр.

Надо признать, что эти утверждения отражали не только ситуацию, в которую был погружен Ясперс, но и его личные предпочтения. Он был человеком книжным, другими видами искусства интересовался, но особого пристрастия к ним не питал. Ясперс охотно слушал музыку, но не был музыкантом. В молодости несколько раз посещал театр, но до зрелых лет любовь к нему не сохранил. Изредка слушал радио, только ради новостей. Не признавал кино, и в кинотеатрах бывал очень редко.

Однако, несмотря на печать личных предпочтений, описание современности, представленное в “Духовной ситуации времени” по ощущению времени, которое Ясперс пытается показать, удивительно похоже на другие его философские портреты. Основное сходство в них – переживание “выпадения из эпохи”, ее переходного характера и непонимания того, куда ведут происходящие в жизни изменения.

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЭПОХИ И БУДУЩЕЕ ГЕРМАНИИ

В лекционном курсе 1929–1930-х годов под названием “Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Одиночество” философ М. Хайдеггер, обращаясь от внутреннего монолога к окружающей его внешней реальности, констатировал: “Кругом потрясения, кризисы, катастрофы, бедствия – сегодняшняя социальная нищета, политическая неразбериха, бессилие науки, выхолащивание искусства, беспочвенность философии, немощь религии. Споры нет, бедствия повсюду”³⁰. Эта фраза выражает настроения, которые в конце 1920-х – начале 1930-х годов отражались во многих работах немецких мыслителей. Это не столько ощущение торжества нового и непонятого мира и его новой культуры, сколько ощущение отсутствия перспективы. Стирался четкий горизонт будущего, было невозможно ставить цели, господствовало абсолютное непонимание того, какие конкретные действия нужно предпринять для исправления ситуации.

Через два года после выхода в свет “Духовной ситуации времени” О. Шпенглер в докладе “Годы решений” назвал это время “эпохой между временами”. Ранее в “Закате Европы” он описывал происходящие в ней процессы как следствие заката “фаустовской” культуры. “Мы, – предрекал Шпенглер, – живем в роковые времена. Грандиозная историческая эпоха открылась не только для фаустовской культуры Западной Европы с ее поразительной динамикой, но и для всей мировой истории, эпоха более величественная и ужасная, чем времена Цезаря и Наполеона”³¹. Если Ясперс не пытался дойти до причин современного состояния, Шпенглер видел их в кризисе капитализма, в его теоретической утопичности и практической несостоятельности.

Капитализм принес экономике идею машинного производства, серийности продукции и стирания уникальности как в товарах, так и в умениях, необходимых для их изготовления. На смену мастерства ремесленника пришла интенсивность и многофункциональность машины, а сам человек стал для этой машины лишь “придатком”. Машинное производство дешевле ремесленного труда, оно универсально, однако в нем,

²⁹ Эванс Р. Указ. соч., с. 167.

³⁰ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Одиночество. СПб., 2013, с. 258.

³¹ Шпенглер О. Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие. Екатеринбург, 2007, с. 14.

по Шпенглеру, больше нет места уникальному человеку. Человек теперь тянется к машине: отрываясь от своей земли, он спешит в города, на заводы и фабрики, чтобы обслуживать машины и стать частью толпы (или массы) таких же обезличенных рабочих. Так Шпенглер описывает механизм гибели культуры. Высокая культура уходит в прошлое, когда люди лишаются земли, дома, своего дела, индивидуальных пристрастий и погружаются в поток массы.

Для Шпенглера, как и для Ясперса, истоки кризиса следовало искать в утрате. Только если для Ясперса эта утрата и зияние пустоты были следствием Первой мировой войны, то Шпенглер видел ее истоки в гораздо более ранних временах. Кризис капитализма, на который он указывал как на причину культурного вакуума своего времени, был замечен еще в середине XIX в. Те же причины сложившейся ситуации видел и Э. Юнгер в работе 1932 г. “Рабочий. Господство и гештальт”³².

Юнгер напрямую говорил о смерти индивида и воцарении порядка, или “гештальта”, рабочего. Рабочий – это массовый человек, обслуживающий массовое поточное производство в стремительно развивающихся городах. Вот откуда – потерянности, ускорение темпа жизни, уход от индивидуальности, и неспособность одиночки сориентироваться в ситуации, непонимание того, что происходит вокруг.

Картина упадка культуры у Юнгера такая же, как у Ясперса и Шпенглера. Место новой культуры – это большой город, где нет времени на что-либо глубокое и подлинное. Поэтому индивидуальный порядок искусства сменяется массовым порядком новых “зрелищ”: на место живописи приходит фотография, на место театра – кинематограф, а на место книги – газета и журнал. Общая черта всех новых видов искусства – их тиражируемость и направленность на массы. “Это, – отмечал Юнгер, – картина возросшего движения, сурового и не вззирающего на лица. Это движение зловеще и однообразно; оно приводит в действие механические массы”³³.

Так во всех сферах жизни Германии, по убеждению Юнгера, проступал “гештальт” рабочего. Юнгер не дает никаких прогнозов и не пытается оценить продуктивность или негативность современных ему изменений. Он просто замечает, что, как это часто происходит в истории обществ и культур, новое сменяет старое. Мы просто наблюдаем эту переменную, но пока не можем сказать ничего определенного о том, к чему все это приведет. Он говорит о “смерти индивида, от которой застывают черты лица и которая, в сущности, есть нечто большее и причиняет более сильную боль, чем всего лишь черта, разделяющая два века. Ибо черта эта знаменует в то же время окончательное исчезновение старой души, распад которой начался еще раньше”³⁴.

Описывая современность, Юнгер предлагал ждать. Ждать европейским интеллектуалам оставалось совсем недолго. Уже в марте 1933 г. гитлеровская национал-социалистическая германская рабочая партия одержала победу на выборах. Поэтому “Духовная ситуация времени” Ясперса – это книга своего времени. Это книга той эпохи, которая выбрала Гитлера и национал-социализм. Ясперс отразил настроение в обществе, на фоне которого Гитлер пришел к власти.

Ни Ясперс, ни Юнгер, не могли предвидеть грядущих событий, хотя отдельные пророчества на страницах “Духовной ситуации времени” мы можем найти. Ясперс прекрасно осознавал бессмысленность Первой мировой войны, и одновременно не видел в ней “рубежности” – того, что европейские государства сделали из кошмара, в который ввергли своих граждан, каких-либо выводов. Ясперс писал: “Однако остается возможность новой войны, более страшной, чем все предыдущие, которая приведет к уничтожению населения современной Европы”³⁵. Через 20 лет после того, как эти слова были сказаны, они уже воспринимались не просто как выражение философского пессимизма, а как сбывшееся предсказание.

³² Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000.

³³ Там же, с. 162.

³⁴ Там же, с. 211.

³⁵ Ясперс К. Духовная ситуация времени, с. 345.

Однако Ясперс и другие немецкие интеллектуалы в начале 1930-х годов не могли, да и не хотели что-либо предпринимать для изменения ситуации. “Общество..., – констатировал тогда Шпенглер, – больно в своих инстинктах, следовательно, и духовно. Оно не защищается. Оно поощряет свое высмеивание и разложение”³⁶.

Университетские интеллектуалы, среди которых был Ясперс, исчезали в Германии как класс³⁷ и не могли противостоять стремительным изменениям в жизни страны. Многие из этих людей, в частности и Ясперс, просто не обладали развитым политическим сознанием, чтобы понять происходящее и попытаться бороться против нацизма. Только череда последовавших после выхода “Духовной ситуации времени” событий заставила Ясперса понять, что у него, как и у всего немецкого народа, нацисты отбирают свободу. “До 1914 г., – писал он, – личная свобода была чем-то настолько безоговорочным, что эта ситуация глубоко личного пути даже не осознавалась, не считалась политической позицией и не воспринималась как угроза. Только то, что произошло начиная с 1914 г., актуализировало значение политической свободы. Кульминацией этого стала немецкая катастрофа 1933 г.”³⁸. В 1930-е – первой половине 1940-х годов у Ясперса формируется политическое мышление, которое после 1945 г. обретает голос.

В 1945–1946 г. Ясперс одним из первых в послевоенной Германии заговорил о вине немцев за катастрофу, в которую их страна ввергла весь мир. В лекциях цикла “Вопрос о вине” и в написанной на их основе книге Ясперс констатировал, что осознание немцами вины связано с осознанием утраты человеческого достоинства. Немцы снова потерпели сокрушительное поражение в войне, более того, они стали мировым агрессором. “Мы, – говорил Ясперс в 1945 г., – лишились почти всего: государства, экономики, минимально необходимых для нашего физического существования условий, и что еще хуже: разделяемых нами и связующих всех нас норм, достоинства, на которых зиждется самосознание народа”. Отсутствие политического самосознания обернулось мировой катастрофой.

Ясперс поставил вопрос о том, в какой степени каждый взрослый немец несет ответственность за преступления нацизма. Разделяя четыре вида виновности (уголовную, политическую, моральную, метафизическую), он подчеркивал, что политическая вина касается каждого немца. Выбирая правительство, народ, вольно или невольно, ответственен за его действия и виновен в их разрушительных последствиях: “Гитлеровская Германия, – это не наша Германия. Однако Германия породила этот режим, позволила ему развиваться, и большинство, по собственному желанию или из-за своего страха, содействовало ему. Мы не можем здесь быть ни при чем”³⁹.

Кроме того, в силу солидарности людей, совместной ответственности за преступления, которые совершаются одними с молчаливого согласия других, существует и метафизическая вина. Поэтому ответственность за зло лежит на всех. Осознание этой ответственности необходимо для того, чтобы вновь обрести достоинство. “Требование переплавиться, возродиться, отбросить все пагубное – это задача для народа в виде задачи для каждого в отдельности... Без пути очищения, идущего из глубинного сознания своей вины, немцу не добыть правды... Где подлинное сознание вины колет как жало, там само сознание поневоле преобразуется”⁴⁰.

³⁶ Шпенглер О. Указ. соч., с. 114.

³⁷ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М., 2008.

³⁸ Jaspers K. Antwort auf die Frage: Aus welchen Kräften leben Sie? – Philosophische Aufsätze. Frankfurt a. M. – Hamburg, 1967, S. 242.

³⁹ Jaspers K. Antwort an Sigrid Undset. – Philosophische Aufsätze. Frankfurt a. M. – Hamburg, 1967, S. 25.

⁴⁰ Рулинский В.В. “Проблема вины” в трудах Карла Ясперса. – Вестник МГИМО-Университета, 2011, № 3, с. 160–166.

Осознание вины в послевоенных работах Ясперса приобретает характер покаяния. Для него это тот путь, который должен пройти каждый немец, чтобы изменить духовную ситуацию в стране: “Мы в Германии должны сообща разобраться в духовных вопросах. У нас нет общей почвы. Мы только пытаемся сблизиться друг с другом”⁴¹.

Вина немцев, по Ясперсу, – в отсутствие самосознания. Когда нужно было действовать, немцы не понимали, что происходит с их собственной страной. Если в “Духовной ситуации времени” Ясперс описывал потерянность немцев, то в “Вопросе о вине” говорил о необходимости ее преодоления, о том, что пассивность немцев, которая обернулась мировой катастрофой, больше не допустима. Сам он после 1945 г. жил именно так: участвовал в политических дебатах, писал политические работы, осознавая и свою ответственность, но так и не забыв своей вины.

⁴¹ *Ясперс К. Вопрос о виновности*, с. 6.